

А. П. Лебедев

Церковно-исторические повествования

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. П. Лебедев**
Церковно-исторические повествования / А. П. Лебедев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 346 с.

ISBN 978-5-4241-8365-2

Церковно-исторические повествования. Общедоступного содержания и изложения.

ISBN 978-5-4241-8365-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ

домашней и семейной жизни древнихъ христіанъ.

Смысль словъ христіанскаго писателя II вѣка, что христіане ни въ чемъ не отличались отъ нехристіанъ. — Молитва: какъ понимали ученіе о непрестанной молитвѣ?—Дневная и ночная молитва,—опредѣленные часы для молитвы,—употребительнѣйшія молитвословія,—внѣшнее положеніе при молитвѣ,—употребленіе креста.—Столъ: благочестивые обычаи во время стола,—простота его,—правила благоприличія при вкушеніи пищи,—какая пища предпочиталась?—Употребленіе напитков,—правила благоприличія при этомъ,—какъ держали себя христіане на пиршествахъ?—Дѣвственное и брачное состояніе: процвѣтаніе дѣвства,—мысли о цѣломудріи.—Замѣчательнѣйшіе примѣры христіанской ревности о сохраненіи дѣвства;—взгляды на брачную жизнь,—церковное благословеніе брака,—мысли о цѣли брака,—правила супружескихъ сношеній,—дѣвство въ бракѣ,—дни воздержанія,—нравственныя качества супруговъ и духовное единеніе ихъ,—попеченія супруговъ о взаимномъ душевномъ спасеніи,—разрывъ взаимнаго сожитія;—религиозное и нравственное воспитаніе дѣтей,—примѣры.

Св. Игнатій Богоносецъ, епископъ антїохійскій, ученикъ Іоанна Богослова, писалъ христіанамъ своего времени: „невѣрующіе носятъ печать міра, а вѣрующіе въ любви печать Бога, Отца, чрезъ І. Христа“. Этотъ преобладающій отпечатокъ носили на себѣ истинные христіане всѣхъ вѣковъ, но съ особенною яркостію и блескомъ—вѣрующіе первыхъ вѣковъ, когда христіанство наиболѣе всего одушевляло христіанъ. Онъ отражался на всемъ ихъ поведеніи, даже на самыхъ простыхъ, обыденныхъ отношеніяхъ ихъ домашней жизни. Поистинѣ высокій святой, духъ проникалъ всѣ ихъ взгляды, правила и чувства, и отсюда переходилъ на всѣ ихъ обычаи, нравы и житейскій обиходъ.

Правда, писатель Посланія къ Діогнету, ученый христіанинъ начала II вѣка, говоритъ: „христіане не различаются отъ прочихъ людей, ни странюю, ни языкомъ, ни житейскими обычаями. Они не населяютъ гдѣ-либо особенныхъ городовъ, не употребляютъ какого-либо необык-

новеннаго нарѣчія и ведутъ жизнь ничѣмъ неотличную отъ другихъ. Но обитая въ еллинскихъ и варварскихъ городахъ, гдѣ кому досталось, и слѣдуя обычаямъ тѣхъ жителей въ одеждѣ, въ пищѣ и во всемъ прочемъ, они представляютъ удивительный образъ жизни“. На основаніи этихъ словъ древняго апологета можно было бы подумать, что домашняя жизнь первыхъ христіанъ представляла очень мало особеннаго, выдающагося; но эта мысль должна быстро исчезнуть, если мы возьмемъ во вниманіе, что самыми характеристическими чертами христіанъ, по свидѣтельству того же писателя, были: нравственная чистота и святость, которыя необходимо должны были видоизмѣнить многія стороны домашней жизни, внося въ нее такіе нравы и обычаи, какихъ не могло быть ни у язычниковъ, ни у іудеевъ, въ особенности у первыхъ. Само собой бросалось въ глаза, что духъ христіанскій не могъ допустить и терпѣть никакого обыкновенія, коренящагося на почвѣ языческой, какъ на примѣръ, призваніе ларъ (боги домашняго очага) и возліянія за обѣдомъ, а равно и всего, что стояло въ противорѣчій съ чувствомъ цѣломудрія и степенностію. Этого мало. Самая домашняя жизнь христіанъ изъ іудеевъ постепенно отрѣшалась отъ тягостныхъ узъ и стѣснительныхъ формъ ветхаго закона и различныхъ раввинистическихъ перетолкованій его и взамѣнъ того обогащалась прекрасными обыкновеніями, какихъ не зналъ человѣкъ ветхозавѣтный, вслѣдствіе чего вскорѣ въ домашней жизни между іудеями и христіанами изъ іудеевъ обнаружилось не меньшее различіе, чѣмъ какое примѣчилось между язычниками и христіанами изъ язычниковъ. Вообще можно сказать, что при внѣшнемъ сходствѣ христіанъ съ нехристіанами въ жилищѣ, языкѣ, одеждѣ, быстро открылось коренное, чрезвычайное различіе между ними въ нравственномъ поведеніи. Съ одной стороны должно сказать, что христіане, согласно свидѣтельству Посланія къ Діогнету, въ указанныхъ отношеніяхъ домашней жизни не различались отъ язычниковъ, носили напр. такую же одежду, какъ и ихъ сосѣди, ибо древніе вѣрующіе не старались подобно западнымъ квакерамъ отличатся отъ прочихъ людей ни цвѣтомъ, ни покроемъ платья; но съ другой стороны они отвращались всего, что напоми-

нало имъ о языческой роскоши и нелѣпой суетности, будь то въ платьѣ или въ чемъ иномъ, и чрезъ это выступала на видъ христіанская особенность домашней жизни. Христіанскій духъ подобно закваскѣ заквашивалъ всю смѣсь домашней жизни, видоизмѣнялъ и преобразовывалъ всѣ явленія въ ней.

Скажемъ прежде всего о томъ, какое мѣсто занимала въ домашней жизни христіанъ молитва. Христіане признавали, что какъ не можетъ быть истинной вѣры безъ дѣлъ, такъ не можетъ быть истинно-христіанской жизни безъ молитвы. Учитель церкви Оригенъ говоритъ: „вся жизнь христіанъ должна быть великой молитвой и такъ называемая въ общежитіи молитва есть только часть этой великой молитвы“. Подобнымъ же образомъ рассуждаетъ и Василій Великій: „непрестанно ты долженъ молиться, не на словахъ, но когда ты всѣмъ образомъ поведенія стремишься соединиться съ Богомъ, такъ что вся твоя жизнь есть постоянная молитва“. Въ этомъ именно значеніи понимали всѣ отцы церкви христіанское требованіе о непрестанной молитвѣ. Такъ блаж. Августинъ на возраженіе: развѣ возможно постоянно, каждую минуту восхвалять Бога, отвѣчалъ: „я укажу тебѣ средство, какъ можно хвалить Бога на всякое время, если только ты хочешь этого: чтобы ты ни дѣлалъ, дѣлай справедливо, и ты уже хвалишь Бога“. Тотъ же Августинъ еще говоритъ: „звукъ голоса при молитвѣ пусть прерывается по временамъ, но долженъ слышаться голосъ внутренней“. Безпрестанная молитва не исключала труда и дѣятельности. Древніе христіане неодобрительно смотрѣли на тѣхъ лжеучителей, которые отвергали трудъ и хотѣли жить исключительно для молитвы (таковы были евхиты и мессалиане). Съ другой стороны отцы древней церкви сильно возставали противъ тѣхъ, кои не признавали важности молитвы или даже считали ее признакомъ людей слабыхъ. Противъ таковыхъ вооружался уже Климентъ александрійскій. „Припоминаются мнѣ, говорилъ онъ, нѣкоторые лжеучители, которые утверждаютъ, что не должно молиться. Пусть они не хвалятся своимъ нечестивымъ ученіемъ, какъ новостью, пусть они знаютъ, что они заимствовали это ученіе отъ киренейскихъ (языческихъ) философовъ“. Прекрасно выражается Амвросій Ме-

діоланскій, доказывая необходимость молитвы: „молитва есть пища души, чрезъ нее сѣдалище порока превращается въ святилище добродѣтели“. — Древніе христіане ученіе о непрестанной молитвѣ понимали въ нѣкоторомъ смыслѣ даже буквально, потому что они всѣ положенія и дѣйствія въ жизни освящали и сопровождали молитвой. Вотъ что говоритъ Климентъ александрійскій: „вся жизнь гностика (т. е. совершеннаго христіанина) есть какъ бы непрерывный праздничный день; у него: чтеніе священнаго писанія предъ принятіемъ пищи, псалмы и гимны во время пищи и предъ отхожденіемъ ко сну, и ночью опять молитва. Чрезъ постоянное воспоминаніе о Богѣ, онъ соединяется съ ликами святыхъ. На всякомъ мѣстѣ будетъ онъ молиться, но не открыто предъ народомъ; въ то время, когда онъ занимается, говоритъ, отдыхаетъ или читаетъ, онъ молится“. И при другомъ случаѣ тотъ же Климентъ говоритъ: „онъ (гностикъ) во всю жизнь молится“. Тертуллианъ, пресвитеръ Карфагенскій, считаетъ преступникомъ того, кто въ продолженіе цѣлаго дня оставался бы безъ молитвы. По внушенію св. Кипріана Карфагенскаго, каждый часъ дня нужно начинать молитвой. Въ особенности начало дня, утро, должно освящаться молитвой. Кипріанъ говоритъ: „рано утромъ мы должны молиться, чтобы чрезъ нашу молитву восхвалять воскресеніе Господа“ (которое произошло утромъ). Василій Великій писалъ: „что можетъ быть блаженнѣе того, какъ встрѣчать разсвѣтъ дня молитвою, благодарить и прославлять Творца, а потомъ, когда совсѣмъ разсвѣнетъ, приниматься за работу?“ Подобнымъ же образомъ выражается Амвросій: „развѣ ты не знаешь, человѣкъ, что начатки твоего сердца и твоего языка ежедневно ты обязанъ приносить Богу?“ Если бывало нѣсколько христіанъ въ одномъ и томъ же домѣ, то они утреннюю молитву совершали вмѣстѣ; и если между ними не было священника или вообще лица церковнаго, то хозяинъ дома читалъ вслухъ молитву, а всѣ прочіе тихо повторяли ее за нимъ. Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ общепринятою утреннею молитвою указывается псаломъ 62¹⁾. И не только разсвѣтъ дня ревност-

1) Боже, Боже мой къ Тебѣ утреннюю.

ные христіане встрѣчали молитвой, но и ночью вставали для того, чтобы воздать хвалу Богу. Тертуллианъ говоритъ: „христіане, насытившись на вечеряхъ любви (агапы, которыя совершались по вечеру), никогда не забываютъ, что даже ночью нужно прославлять Бога“,—и при другомъ случаѣ: „даже ночью ты встаешь молиться“. О томъ же свидѣтельствуется Киприанъ: „и по ночамъ мы не остаемся безъ молитвы“. Климентъ александрийскій также говоритъ: „часто и ночью ты поднимаешься съ постели и благословляешь Бога“. Значитъ, то, что позднѣе сдѣлалось достояніемъ монастырей—ночная молитва—въ первенствующей церкви было обычаемъ, который хорошо былъ извѣстенъ и мірянамъ. Какъ начало дня, такъ и конецъ его освящался также молитвой. Киприанъ говоритъ: „восходитъ ли солнце или заходитъ, необходимо молиться“. Вечерняя молитва заключала въ себѣ прошеніе, чтобы Богъ попустилъ молящимся дожить до слѣдующаго новаго дня. Какъ обычную вечернюю молитву, книга Постановленій Апостольскихъ указываетъ псаломъ 140 ¹⁾. Молитвою должна была начинаться работа, молитвою же сопровождаться. Молитвой, по словамъ Василия Великаго, какъ сольюосоляется всякое дѣло. Она произносилась предъ начатіемъ обѣда. Прежде чѣмъ начать мыться въ банѣ, христіане тоже молились. Если гость прощался съ хозяиномъ, онъ дѣлалъ это съ молитвою, равно какъ и при входѣ въ домъ свое привѣтствіе онъ сопровождалъ также молитвою (Тертуллианъ). Многіе христіане приняли отъ іудеевъ обычай молиться, кромѣ утра и вечера, въ третій, шестой и девятый часъ дня. Но христіане соединяли съ этимъ обычаемъ свои новозавѣтныя воспоминанія. Въ третій часъ они молились потому, что въ этотъ часъ въ Пятидесятницу излился Духъ Святой на апостоловъ; въ шестой—потому, что Петръ въ этотъ именно часъ имѣлъ таинственное видѣніе о чистой и нечистой пищѣ; въ девятый—потому, что въ этотъ часъ умеръ Христосъ и потомъ около того же часа Петръ и Іоаннъ, идя въ храмъ іерусалимскій, изцѣлили хромага (Тертулл., Климентъ алекс., Киприанъ). Такимъ образомъ возникли узаконенные часы

¹⁾ Господи воззвахъ къ Тебѣ услыши мя.

молитвы въ продолженіе дня. Нужно при этомъ помнить, что въ древности въ эти же часы міряне призывались для общественной молитвы въ церкви. Постановленія Апостольскія требуютъ очень строго выполненія этого предписанія. Несмотря на то, что, какъ мы видимъ, насчитывалось очень немало времени назначеннаго для молитвы въ теченіе сутокъ, Кипріанъ совѣтуетъ христіанамъ молиться еще чаще, еще больше.

Больше всего христіане при возношеніи своихъ молитвъ пользовались книгою Псалтири. Можно сказать, Псалтирь была молитвенникомъ въ первенствующей церкви. Но вмѣстѣ съ псалмами была въ употребленіи въ домашней жизни христіанъ и молитва, которой научилъ самъ Господь своихъ учениковъ (Матѳ. 6, 9 и д.). Представляется однакожъ удивительнымъ, что ни апостолы, ни ихъ ученики, мужи апостольскіе, совсѣмъ не упоминаютъ о молитвѣ: „Отче нашъ“, какъ молитвѣ употребительной въ ихъ время въ христіанской церкви. Но если апостолы и мужи апостольскіе и не говорятъ ничего о молитвѣ Господней, однакожъ отсюда не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что въ первыя времена молитва Господня не была въ употребленіи. Прежде всего совершенно невѣроятно, чтобы апостолы, просившіе Христа научить ихъ молиться, сами потомъ не пользовались данною имъ молитвою. Къ той же мысли приводитъ то явленіе, что во времена Тертулліана, слѣдовательно вскорѣ послѣ эпохи мужей апостольскихъ, молитва: „Отче нашъ“ представляется самою общеупотребительною. Около 200 года молитва Господня пользовалась высокимъ уваженіемъ, на нее писались многочисленныя комментаріи. Все это доказываетъ, что ее и раньше не забывали вѣрующіе. Тертулліанъ прямо называетъ молитву Господню „сокращеніемъ всего Евангелія“. Кромѣ молитвы Господней, въ домашнемъ употребленіи христіанъ встрѣчаемъ молитву: „Богородице дѣво, радуйся“, которая составлена на основаніи словъ изъ Евангелія (Лук. 1, 2. 42). Молитва эта возникла вѣроятно вскорѣ послѣ III вселенскаго собора, въ церкви Греческой, въ противодѣйствіе несторіанству. Позднѣе, она перешла и въ церковь Западную, главнымъ образомъ уже въ XI вѣкѣ. Помимо этихъ и другихъ молитвъ, заимствованныхъ изъ Библии,

древніе христіане пользовались также молитвами, составленными ими самими. У нихъ были какъ пѣснопѣнія, такъ и молитвы, обязанныя своимъ происхожденіемъ благочестивой ревности отдѣльныхъ вѣрующихъ. Объ этомъ можно догадываться на основаніи слѣдующихъ словъ Тертуллиана: „по совершеніи агапъ каждый приглашается пѣть хвалебныя пѣсни Богу, извлеченныя изъ св. Писанія, или кѣмъ-либо сочиненныя“. На то же указываютъ постановленія собора Иппонскаго въ Африкѣ (въ 393 г.): „никто не долженъ употреблять самоизмышленныхъ молитвословій, прежде чѣмъ не посоветуется объ этомъ съ братіями, болѣе просвѣщенными“. Другіе соборы еще болѣе стѣсняють произволъ вѣрующихъ молиться, произнося молитвы самосочиненныя. Видно, что въ церкви въ древнее время появилось много такихъ молитвъ, что онѣ стали распространяться въ народѣ, и что не всѣ изъ нихъ заслуживали одобренія.

Отцы церкви сообщаютъ не мало извѣстій и о внѣшнихъ обычаяхъ древнихъ христіанъ въ совершеніи домашней молитвы. Климентъ Александрійскій говоритъ: „во время молитвы мы воздѣваемъ руки и голову къ небу, а при концѣ молитвы и ноги приводимъ въ движеніе“, то есть, въ концѣ молитвы мы поднимаемся изъ колѣнопреклоненнаго положенія, въ которомъ оставались во время нея. Съ своей стороны Тертуллианъ говоритъ: „мы молимся, взирая на небо, съ распростертыми руками и непокрытой головой“. Онъ же увѣщаетъ христіанъ, что они „не должны слишкомъ подымать руки и размахивать ими, что не должны возвышать головы съ самонадѣянностію и что приличіе требуетъ тише произносить молитвы“. Оригенъ между всѣми тѣлесными положеніями, какія возможны при молитвѣ, рекомендуетъ христіанамъ, какъ самую приличную, воздѣяніе рукъ и поднятіе головы. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, больной можетъ молиться сидя или лежа, а находящійся на кораблѣ или занятый чѣмъ-либо препятствующимъ воздѣянію рукъ можетъ молиться, не дѣлая вида, что молится. Распростертыми руками христіане изображали видъ креста, на которомъ распятъ былъ Христосъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ апологетъ Минуцій Феликсъ. Предъ молитвой обыкновен-

но обмывали себѣ руки, чтобы показать необходимость внутренней чистоты, и обращались во время молитвы на востокъ, потому что свѣтъ дневной и духовный приходитъ съ востока (Тертуллианъ, Климентъ). Сообразно съ апостольскимъ предписаніемъ мужчины молились съ головой обнаженной, а женщины—съ покрытой (1 Кор. 11, 4). Но уже Тертуллианъ высказываетъ жалобы на то, что дѣвушки его времени и его отечества являлись на молитву непокрытыми и въ свое оправданіе говорили, что апост. Павелъ заповѣдуетъ носить покрывало только женщинамъ, а такъ какъ онѣ не замужемъ, то къ нимъ неприменимы слова апостола. Тертуллианъ, поэтому, старается доказать такимъ легкомысленнымъ, что подъ женщиною по употребленію библейскому разумѣются и жены и дѣвушки.— Тертуллианъ порицаетъ, какъ суевѣріе, встрѣчавшееся тогда обыкновеніе скидывать верхнее платье во время молитвы. „Такъ приближается, говоритъ онъ, язычникъ къ своимъ идоламъ, а христіанскій Богъ слышитъ и того, кто имѣетъ на себѣ плащъ“. Не менѣе онъ осуждаетъ и тѣхъ, кто возлежали во время молитвы. Сидѣть во время молитвы, какъ это было въ обычаѣ кой-гдѣ на востокѣ, онъ считаетъ за выраженіе небреженія къ этому дѣлу. Христіане при молитвѣ обыкновенно стояли. „Мы стоя молимся“, говоритъ Кипріанъ. Христіане часто также молились колѣнопреклонно. Во дни поста, говоритъ Тертуллианъ, и во дни стояній (такъ называется у него полупостъ) не должно быть молитвы безъ колѣнопреклоненій и другихъ знаковъ самоуничиженія. Колѣнопреклоненіе представлялось первоначальнымъ христіанамъ дѣломъ совершенно естественнымъ, какъ выраженіе смиренія, какъ знакъ, что человекъ отпалъ отъ Бога и нуждается въ божественной благодати и милосердіи. Поэтому кающимся постоянно предписывалось преклонять колѣна.

Въ самой тѣсной связи съ молитвой во всѣ времена находилось крестное знаменіе, и уже у древнѣйшихъ христіанъ мы встрѣчаемъ самое широкое распространеніе его. Они полагали крестное знаменіе не только на себѣ,—на челѣ, очахъ, устахъ, груди, но осѣняли имъ одежду, постель, пищу, стаканы, утварь домашнюю и жилище; они дѣлали его, если выходили изъ дому или снова возвра-

щались сюда, если начинали одѣваться, садились за столъ, ложились на постель, умывались или брали баню. Обо всемъ этомъ ясно свидѣтельствуесть Тертуллианъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что хотя на крестное знаменіе нѣтъ указанія въ библіи, но за то въ важности его утверждаетъ преданіе. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ убѣждаетъ свою жену, чтобы она въ случаѣ его смерти не выходила за мужъ за язычника, потому что тогда для этого послѣдняго не было бы тайною, что она знаменуетъ крестомъ и свое ложе, и свое тѣло. Слѣдовательно въ это время было уже обыкновеніе ограждать крестомъ свою постель и тѣло при томъ, какъ ложились спать и вставали. Также Киприанъ, Оригенъ и другіе отцы и писатели церковные многократно говорятъ о употребленіи крестнаго знаменія. Ефремъ Сиринъ въ IV вѣкѣ говорилъ: „животворящимъ крестомъ пусть осѣняются наши двери, наши очи, наши уста, наша грудь, всѣ наши члены. Этотъ крестъ, вы христіане, не оставляйте ни въ какое время, ни въ какой часъ; пусть онъ съ вами будетъ во всѣхъ мѣстахъ. Безъ креста ничего не предпринимайте: ложитесь ли вы спать или встаете, работаете или отдыхаете, ѣдите или пьете, путешествуете на сушѣ или плаваете по морю, постоянно украшайте всѣ ваши члены этимъ живоноснымъ крестомъ“.—Доселѣ у насъ шла рѣчь о крестѣ, который мы дѣлаемъ нашей рукою, но мы должны еще прибавить, что и крестъ въ смыслѣ вещественнаго изображенія Распятія весьма рано уже вошелъ въ практику домашней жизни; его изображали или при помощи живописи или пластики. Церковный историкъ Евсеій говоритъ о Константинѣ Великомъ, что въ самомъ лучшемъ залѣ его дворца былъ поставленъ золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Тотъ-же Константинъ приказалъ украсить даже оружіе солдатъ знакомъ креста. Что далѣе изображеніемъ креста украшались стѣны и двери, объ этомъ находимъ свидѣтельство у Златоуста. Нѣкоторые въ своемъ желаніи повсюду дѣлать кресты заходили уже слишкомъ далеко,—они вздумали украшать крестами полы въ своихъ домахъ. Это обыкновеніе однакожь строго запрещено соборомъ Трульскимъ (прав. 73), потому что попираеть знакъ креста ногами противно чув-

ству благоговѣнія. Исторія древняго христіанскаго искусства и Акты мученическіе указываютъ, что христіане украшали крестомъ свои одежды и предметы обыденнаго употребленія. Въ IV вѣкѣ встрѣчаемъ указаніе на употребленіе креста на шеяхъ вѣрующихъ, поверхъ одежды. Такъ Григорій Нисскій говоритъ о своей сестрѣ Макринѣ, что она носила крестъ на шеѣ своей.

Столъ, обѣдъ, древнихъ христіанъ въ свою очередь также не оставался безъ вліянія на него новаго духа христіанскаго. Прекрасное изображеніе того, какъ происходилъ столъ въ домахъ древнихъ христіанъ, находимъ у Тертуліана. „Садятся за столъ не иначе, какъ помолясь Богу; ѣдятъ столько, сколько нужно для утоленія голода; пьютъ какъ пристойно людямъ строго соблюдающимъ воздержаніе и трезвость; насыщаются настолько, что тою же ночью могутъ возносить молитвы Богу; бесѣдуютъ, зная, что все слышитъ Богъ. По омовеніи рукъ и возженіи свѣтильниковъ, каждый приглашается пѣть хвалебныя пѣсни Богу. Столъ оканчивается, какъ и начался, молитвою. Выходятъ отсюда не для того, чтобы производить безчинства, выходятъ паче изъ школы добродѣтели, нежели отъ вечери“. Тертуліанъ собственно говоритъ здѣсь о христіанскихъ агапахъ, но самъ же онъ не полагаетъ никакого различія между агапами и обыкновеннымъ столомъ въ отношеніи къ благоприличію и благочестію. Климентъ александрійскій прямо увѣряетъ, что во время ѣды христіане пѣли псалмы и пѣснопѣнія. Еще яснѣе говоритъ объ этомъ Кипріанъ: „часъ обѣда не долженъ оставаться безъ небесной благодати. Скромный обѣдъ долженъ сопровождаться псалмами, и если ты имѣешь хорошую память и хорошій голосъ, принимай на себя обязанность пѣвца“.— Очень часто и съ особеннымъ удовольствіемъ древніе отцы изображали скромность, умѣренность и цѣломудренность, которыя царили во время христіанскихъ обѣдовъ. Апологетъ Минуцій Феликсъ говоритъ: „наши обѣды не только цѣломудренны, но и трезвенны, ибо мы не позволяемъ себѣ никакой болтовни, веселость умѣряемъ важностію и скромными рѣчами“. Очень подробно распространяется объ этомъ предметѣ Климентъ александрійскій. „Иные люди, говоритъ онъ, живутъ для ѣды наравнѣ съ безсловными